

И. А. Айзикова

Томский государственный университет

**Тема Палестины в творческом диалоге
В. А. Жуковского и А. Н. Муравьева ***
Статья первая

Представлена первая попытка исследования творческого диалога великого русского романтика В. А. Жуковского и духовного писателя А. Н. Муравьева по теме Палестины. Изучение проблемы позволяет уточнить особенности поэтики и жанрово-стилевой системы творчества этих писателей, их духовных, религиозных и эстетических исканий, обусловленных как своеобразием мировоззрения каждого, так и общей атмосферой эпохи, и открыть неизвестную страницу в истории культурных контактов Палестины и России XIX в., проследив типологические сближения и расхождения Жуковского и Муравьева в интерпретации темы и формировании образа Святой Земли в русской литературе XIX в.

Ключевые слова: Палестина, В. А. Жуковский, А. Н. Муравьев, творческий диалог.

О первой встрече с В. А. Жуковским А. Н. Муравьев, известный духовный писатель, рассказывает в книге «Знакомство с русскими поэтами» [Муравьев, 1871, с. 17–19, 25–26, 31]. Оно произошло в доме его «тетушки» Е. Ф. Муравьевой. А. Н. Муравьев не указывает дату знакомства, но, судя по первому упоминанию о Муравьеве в дневнике Жуковского, оно относится к 1831 – началу 1832 г. 18 июня 1832 г., описывая свой выезд из Петербурга в Эмс, поэт называет среди других лиц, провожавших его, А. Н. Муравьева [Жуковский, 2004, т. 13, с. 319]. Позднее они встречались неоднократно. Муравьев бывал у Жуковского (см. запись в дневнике поэта от 10 июня 1834 г. [Там же, т. 14, с. 16]). 22 июля 1837 г. они виделись в имении Гончаровых во время посещения Жуковским, путешествующим с наследником престола по России, вдовы А. С. Пушкина. Далее,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Совместный конкурс научных проектов РГНФ – Императорское православное Палестинское общество (проект № 15-64-01001).

Айзикова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634004, Россия; wand2004@mail.ru)

по предложению Жуковского, они вместе поехали в Москву. Муравьев был представлен Жуковским наследнику русского престола и, по воспоминаниям Муравьева, приняв лестное предложение поэта «объяснить цесаревичу древнюю святыню Москвы», «в составе его свиты» он «объехал все обители столицы и ее окрестности». «В Новом Иерусалиме особенно требовал от меня Жуковский, – пишет Муравьев в вышеназванной книге, – подробных объяснений, так как я недавно обозревал древний и мог сравнивать оба святилища» [Муравьев, 1871, с. 26].

В начале 1830-х гг. Жуковский познакомил его с И. И. Козловым, в доме которого они затем встречались не раз. По воспоминаниям Муравьева, ему «даже доводилось читать» перед посещавшим Козлова Жуковским отрывки из своих сочинений (эти встречи относятся к 1834–1836 гг. [Там же]). 19 января 1840 г., незадолго до смерти Козлова, Жуковский и Муравьев посетили его вместе в последний раз, о чем Жуковский сделал запись в своем дневнике [Жуковский, 2004, т. 14, с. 193], а Козлов в своем: «Я страдал и был очень возбужден. Пришли графиня Лаваль, Жуковский и почтенный Муравьев. <...> Вечер был очень интересен, говорили о предметах религиозных и поэтических» [Козлов, 1906, с. 66]. В книге «Знакомство с русскими поэтами» Муравьев вспоминает о своей последней встрече с уже «болящим» Жуковским, которая произошла во Франкфурте-на-Майне, где Муравьев «остановился... на два дня единственно для того, чтобы насладиться его (Жуковского. – *И. А.*) обществом». «Он только что окончил свой знаменитый перевод “Одиссеи” и мечтал о “Илиаде”. <...> Но вместе с тем его христианское чувство, проникнутое глубоко философской думой, в самых очаровательных формах поэзии, внушило ему последнюю чудную поэму “Вечного Жида”, где хотел он изобразить нравственное, религиозное направление современной ему эпохи» [Муравьев, 1871, с. 31]. Время от времени Муравьев и Жуковский писали друг другу письма (например, 30 ноября 1832 г. Жуковский отметил в дневнике получение письма от Муравьева, а 2 декабря указал, что написал ему ответ [Жуковский, 2004, т. 13, с. 340, 341], однако местонахождение этих писем неизвестно).

Как видим, Жуковский и Муравьев были хорошо осведомлены о творчестве друг друга, Жуковский к тому же принимал живое участие в ряде литературных начинаний Муравьева. Так, в письме И. И. Козлову от 27 января 1833 г. Жуковский просит его передать начинающему поэту слова поддержки в связи с неудачной постановкой его трагедии «Битва при Тивериаде»: «Особенно дружески пожми за меня руку Муравьеву. Хочу весьма знать, что он делает. По глупой критике, напечатанной в “Северной пчеле”, знаю о его “Битве Тивериадской” и должен думать, что трагедия не имела успеха; но уверен наперед, что в ней много красот, и требую от Муравьева, чтоб он не обращал внимания на неудачу (если подлинно была неудача); он поэт в благородном смысле сего слова и писать должен» [Жуковский, 1960, с. 600–601]. Муравьев вспоминал и об участии Жуковского в подготовке к печати одного из главных своих сочинений – «Путешествия ко Святым местам»: «Жуковский не отказался прочесть мою рукопись и заметить мне искренно погрешности слога; но в вопросах церковных он смиренно обращал меня к опытной мудрости митрополита Московского (Филарета – Василия Дроздова. – *И. А.*), что и послужило началом моего знакомства с сим великим Святителем. Когда же неожиданный успех увенчал сие первое мое творение, Жуковский радовался от души, как бы за собственный труд, и поручал его вниманию других именитых литераторов» [Муравьев, 1871, с. 17]. В дневнике Жуковского (запись от 11 апреля 1840 г.) зафиксирован факт его чтения «Первых четырех веков христианства» Муравьева [Жуковский, 2004, т. 14, с. 204]. В библиотеке поэта имеется три сочинения Муравьева: «Воспоминания о посещении святыни московской государем наследником» (СПб., 1838), «Письма о спасении мира сыном Бо-

жиим» (СПб., 1839) и 4-е издание «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1840, страницы всех книг разрезаны, однако помет в них нет).

Приведенные факты личных и профессиональных контактов, представленные не в полном объеме, поскольку это не входит в цели данного исследования, свидетельствуют об определенной духовной и творческой близости Жуковского и Муравьева. Одной из важнейших точек их сближения была чрезвычайно значимая для русской культуры и духовной жизни, религиозно-философских исканий первой половины XIX в. тема Палестины. Их диалог по этой проблеме, никогда еще не становящийся предметом научного осмысления, открывается откликом Жуковского на трагедию Муравьева «Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине» (1827), которая была его первым опытом обращения к палестинской теме ¹.

В «Предисловии» к трагедии, созданном в 1833 г. ², Муравьев подробно пишет о ее замысле, обусловленном увлечением романтизмом: «...из всех событий протекавшего ближе говорили сердцу крестовые битвы юной Европы. Романтические подвиги рыцарей... стремившихся в Палестину, чтобы воскресить там призрак Иерусалима, – сильно волновали грудь нашу», «слишком много собственных чувств излилось в их (рыцарей. – *И. А.*) речах и порывах» [Муравьев, 1874]. Ниже автор называет главную тему своего сочинения: «в обширной раме» начертал он «исторические сцены последних дней рыцарского королевства; во глубине же сей разнообразной картины поставил... одну мрачную судьбу Иерусалима» [Там же]. Большая часть «Предисловия» посвящена исторической справке, вводящей изображенные в трагедии события в контекст истории Иерусалимского королевства.

Его падение интерпретируется автором «Предисловия» в связи с идеей нарушения библейского запрета Израилю «обращать взоры на Египет» и в целом прочитывается в аспекте непререкаемости ветхозаветного пророчества о гибели священного государства. Иерусалимское королевство не спасло и не могло спасти отвоевание Балдуином III египетской крепости Аскалон, еще одно намерение завоевать Египет, исходившее от брата Балдуина III Алмерика (Амори). Раздираемые «пагубными междоусобиями», рыцари разных духовных орденов не смогли договориться о месте решающего боя даже в виду угрозы завоевания Иерусалима Саладином. Эти трагические события, связанные с принятием решения о том, где вступить в бой с врагом, угрожающим Иерусалиму, и с самой битвой при Тивериаде, составили исторический сюжет его произведения: «Не частные страсти, горевшие в груди крестоносцев... были моим предметом, нет; но падение целого царства, созданного благочестивым порывом всего Запада. Я хотел изобразить картину того века и края, сокрушенного в лице их любимой мечты, их высокого идеала. Я видел только пред собою великую судьбу Иерусалима... Если спросить меня, кто герой драмы: Пустынник или Раймонд? Я скажу в ответ: Иерусалим» [Там же].

Согласно авторскому замыслу главные герои трагедии, Пустынник и Раймонд, должны были воплощать «две сильнейшие страсти того века»: «пламенный дух веры» и «дух рыцарства» [Там же]. Качества остальных героев призваны были дополнить образ Палестины «в последний год ее... с тайными и явными причинами... падения... чтобы показать... как оно все созрело раздорами к исполнению судьбы своей» [Там же].

¹ О творческой истории, поэтике, истории публикации и постановки трагедии на сцене в 1832 г. см. [Хохлова, 2001].

² В 1836 г. А. С. Пушкин опубликовал отдельные сцены трагедии и предисловие к ней в «Современнике» [Муравьев, 1836, с. 140–154, 155–179], полностью произведение было издано автором в 1874 г.

Мысль о высшей предначертанности всего происходящего (ситуации выбора не акцентированы в трагедии, тот или иной поступок персонажа не имеет внутреннего конфликта) проходит красной нитью через всю трагедию: она звучит в песне дервиша, обращающегося к Аллаху, в любовном диалоге Манфреда и Изабеллы. Пустынник, обозревающий вечерний Иерусалим, проникнут «предчувствием его падения». Обращаясь на площади к народу, просящему Господа о спасении Иерусалима, он утверждает: «Сбылись и сбудутся слова пророков». Граф Раймонд, покидающий Иерусалим, произносит монолог: «Удел твой – пасть, и пасть рукой своих!» Рефреном всех изображаемых событий звучит реплика героя, обобщенного под именем Все: «Так хочет Бог! Так хочет Бог!». После того, как «честное древо Креста досталось в руки Саладина», граф Фландрский подводит итог битве:

Судьбы твои свершились, Божий край!

<...>

А ты, Иерусалим...?

Не человекам жребий твой решать

[Муравьев, 1874].

Горячо поддержавший трагедию Муравьева о рыцарях-крестоносцах, посвящающих свою жизнь освобождению Иерусалима и Гроба Господня, Жуковский не менее его был погружен в рыцарскую тему начиная с 1800-х гг. Пик интереса к теме и образу рыцаря приходится у поэта на 1810-е гг., период написания баллад «Гаральд», «Мщение», «Громобой», «Вадим», «Рыцарь Тогенбург», и 1830-е гг., когда были созданы баллады «Кубок», «Алонзо», «Замок Смальгольм», «Роланд Оруженосец», «Плавание Карла Великого», «Рыцарь Роллон», «Старый рыцарь» и стихотворные повести «Перчатка», «Сражение со змеем», «Суд Божий», «Ундина». Рыцарская тема, по утверждению исследователя, «составляет одну из магистральных линий антропологии нравственно-философской и художественной системы романтика Жуковского» [Никонова, 2009, с. 382], но воспринимал он ее во многом в другом аспекте, по сравнению с Муравьевым. Начав осмысление рыцарского этоса в переводе «Дон Кихота» М. Сервантеса и сосредоточившись здесь на концепции героической личности рыцаря как носителя высокого нравственного идеала³, Жуковский в своих балладах и стихотворных повестях, как и Муравьев, активно объединяет образ рыцаря с символической значимостью нарратива, с мифологемой судьбы, в которой, однако, им, в отличие от Муравьева, в большей степени акцентируется не столько религиозная, христианская, сколько философская трактовка рыцарства. Смысл произведений Жуковского концентрируется вокруг человеческой индивидуальности, свободы его нравственного выбора, тогда как Муравьев в ранней своей трагедии сосредоточен прежде всего на сверхличной реальности – «великой судьбе Иерусалима».

Рыцари в произведениях Жуковского, даже будучи «рыцарями Церкви», членами военно-монашеских орденов, поэтизированы как внутренне свободные носители благородства, идеала, поклонения Прекрасной Даме⁴. Именно это, как справедливо указывают исследователи, являлось программным в осмыслении рыцарской образности Жуковским, который стремился оживить рыцарство как актуальную поведенческую модель. В 1800–1830-е гг. он видит в рыцарстве зна-

³ См. об этом подробнее в работах: [Янушкевич, 1985, с. 24 и далее; Багно, 1987, с. 293–310; Айзикова, 2004, с. 93–109]. Тема рыцарства в творчестве Муравьева остается неисследованной.

⁴ Неслучайно В. А. Жуковский сосредоточен на изображении «демилитаризованного», по выражению Н. Е. Никоновой, рыцарства.

чимое в первую очередь для европейской культуры этическое и эстетическое явление (см., например: [Жуковский, 2012, т. 12, с. 335, 338]).

Не меньший интерес представляют переклички интерпретаций палестинской темы в прозаических сочинениях Жуковского 1800–1810-х гг. («Левит Ефραίимский», «Библиейские повести») и лиро-эпических произведениях 1840-х гг. («Повесть об Иосифе Прекрасном», «Египетская тма», «Странствующий жид», стихотворном переложении Апокалипсиса) и духовной прозе Муравьева⁵ 1830–1840-х гг., прежде всего в «Путешествии ко Святым местам в 1830 году», в подготовке к печати которого, как было сказано выше, Жуковский участвовал по просьбе автора⁶, и в «Письмах с Востока». Попытаемся определить особенности этих перекличек, носящих характер типологических сближений и расхождений, попутно восполняя пробел в исследовании интерпретации этой темы в духовной прозе Муравьева. Думается, что переклички Жуковского и Муравьева в интерпретации темы Палестины, определявшиеся атмосферой духовных исканий русского общества первой половины XIX в. и близостью религиозных поисков Жуковского и Муравьева в этот период, следует искать в области и содержательной рецепции темы, и поисков форм взаимодействия религиозного и художественного начал в ее воплощении.

Формирование первообраза Палестины у Жуковского, начавшееся в его раннем творчестве⁷ (переводная повесть «Левит Ефραίимский» 1806 г., «Библиейские повести» конца 1817–1819 гг.), связано с поэтическими переложениями ветхозаветных легенд, местом действия которых является Ханаан, Земля Обетованная, представленная, с одной стороны, поэтизируемыми топосами Ефрайимских гор, Вифлеема, Атарофа, горы Гевал, Сихамской долины как пространства земного рая. С другой стороны, в этих пространствах герои повестей нарушают Закон Божий, что служит, в совокупности со многими внешними и внутренними (в первую очередь, нравственно-этическими, психологическими) причинами, основанием страшных трагедий, которые разыгрываются в Гаваоне, Явесе Галаадском, Содоме и т. д. В названных повестях Жуковского грех и преступление, не особенно дифференцируемые автором и героями, ходят по кругу, втягивая в себя все более широкие пространства Святой Земли. При этом Жуковскому прежде всего важен нравственно-этический и связанный с ним психологический пафос нарратива о Земле Обетованной, его воспитательные интенции. Жуковский заостряет проблему свободы выбора первых людей, проживавших на Земле Обетованной, сложности принятия ими того или иного решения, отчасти связывая это с силой их веры в Бога и его обетования и запреты, исходя из чего реконструируются созданный поэтом образ Святой Земли и тесная связь палестинской темы с проблемами личности, ее свободы и ответственности за свою жизнедеятельность. Идея предначертанности всего происходящего на Земле Праотцев и Праматерей сопро-

⁵ Творчество А. Н. Муравьева, его духовная проза привлекает все большее внимание в отечественном литературоведении (см.: [Хохлова, 2001; Сафатова, 2008; 2009; 2012], глубокое предисловие и примечания Н. Н. Лисового к изданию «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» [Муравьев, 2006, с. 7–27], предисловие, примечания А. Д. Каплина в подготовленном им издании «Путешествия по Святым местам русским» [Муравьев, 2014]); см. также: [Моклецова, 2013; Александрова-Осокина, 2016]). Что же касается интересующей нас темы Палестины в творчестве Муравьева и Жуковского, то вопрос о ее изучении до настоящего времени не был поставлен.

⁶ Жуковскому должно было импонировать стремление Муравьева к взаимопроникновению религиозного и художественного начал нарратива. Сам он пришел к этому синтезу в 1840-е гг., когда все «предметы» его поздних сочинений рассматриваются сквозь призму интереса писателя к вопросам веры и религии.

⁷ См. об этом подробнее: [Айзикова, 2015].

вождается в ранних сочинениях Жуковского романтическими мотивами тайны, мистического провидения внутренней сути видимого мира и внешней жизни.

Некоторые из перечисленных топосов более или менее подробно представлены в «Путешествии...» и «Письмах...» Муравьева, но они связываются с новозаветной историей и основами христианской веры. Так, Вифлеем для Муравьева – это прежде всего место рождения Иисуса Христа, символом города для него является храм Рождества Христова и прежде всего «ясли, колыбель необъятного, где юная мать положила божественного младенца» [Муравьев, 2006, с. 223]. Иорданская пустыня – «дивная местность» крещения Христа, место «пустынных останков тех знаменитых обитателей, которыми некогда процвела, яко крин, сия пустыня, паки омертвевшая и возвратившаяся к первобытному своему запустению» [Муравьев, 1851, с. 193]. Образ Мертвого моря в «Путешествии...» представлен ориентиром на территории Кедронской долины, Юдоли плача, а русло Иордана в «Письмах...» – символ «знаменитой обители Предтечи, ныне обращенной в груду печальных развалин» [Там же, с. 203]. Проявляя интерес к Вифлеему, Сихему, Мертвому морю, как и ко всем другим топосам Святой Земли, Муравьев постоянно актуализирует пласт настоящего, которое является в его представлении логичным продолжением долгой истории гибели Земли Обетованной, совершающейся не столько как наказание за преступления и грехопадения, сколько по пророчеству Бога. Проблема свободы выбора в человеческой жизни, дидактический пафос, столь важные для Жуковского при толковании им темы Палестины в сочинениях 1800–1810-х гг., в «Путешествии...» и «Письмах...» Муравьева не столь актуальны.

Вместе с тем подчеркнем, что при всем внимании к профанной, историко-культурной сфере палестинской темы в «Путешествии ко святым местам в 1830 году» и «Письмах с Востока», связанной с изображением Земли Обетованной в горизонтальном, земном, современном измерении, о чем пишут многие исследователи (см., например, указанные работы Н. А. Хохловой и Е. Ю. Сафатовой) и чему у Жуковского уделено особое внимание только в переводах нескольких фрагментов из «Путешествия в Иерусалим» Шатобриана (1810)⁸, главным предметом познания и художественного отражения в сочинении Муравьева является Палестина как сакральное пространство. Именно в проникновении в онтологическую и антропологическую семантику палестинской темы находятся точки сближения Муравьева с Жуковским при всей разнице расстановки акцентов в осмыслении роли свободы и ответственности человека в его жизнедеятельности.

Земля Обетованная в сочинении Муравьева, начиная с открывающего «Путешествие...» «Обзора русских путешествий в Святую землю», – это пространство, «иде же» «Христос Бог наш походи своими ногами и многа чудеса показа по месту тем святым. То все видех очима своим грешным, и все показа ми Бог видети» («Путешествие игумена Даниила», цит. по: [Муравьев, 2006, с. 39]). Это – место, которого «пламенно желал... как некогда Израиль» [Там же, с. 139] автор-повествователь, это «в полном смысле земля обетованная, кипящая млеком и медом!», вызывающая у него слезы радости, благословляющая его и заставляющая чувствовать свое «сиротство по выезде из Святого града» [Там же, с. 141]. Это – земля, которую крестоносцы не раз освобождали от ига неверных, хотя, по авторскому замечанию, «следы сих отдаленных веков ныне изгладились; от многолюдных городов остались слабые развалины» и «прежние властители земли обетованной, стекающиеся странниками, в преклонных летах, с концов вселенной в чуждое ныне для них отечество» «дорогой ценой» покупают «там от иноплемennых тесный уголок для успокоения костей своих» [Там же, с. 141, 172]. Эти же идеи, образы, пафос представления Земли Обетованной переходят и в «Письма

⁸ См. об этом подробно: [Айзикова, 2004, с. 171–176].

с Востока». Мотив обетования Святой Земли израильскому народу, как и у Жуковского, сопрягается в сочинениях Муравьева с мотивами ее сакральности и неминуемой гибели. При этом он акцентирует как главную причину происходящего волю Провидения, которая направлена на обновление и спасение человечества, его возвращение к Богу и его заветам. Эти акценты появляются и в позднем лиро-эпосе Жуковского⁹.

Его «Повесть об Иосифе Прекрасном» (1845), которая должна была войти в «Книгу повестей для юношества», и повесть «Египетская тма», названная в подзаголовке «опытом подражания Библейской поэзии» (1846), так же, как и ранние обращения к палестинской теме, представляют собой стихотворные поэтические переложения ветхозаветных легенд – о любимом сыне Иакова Иосифе, который открывает историю переселения евреев в Египет, и о предпоследней казни египетской, о «густой тьме», распростершейся на три дня над всей землей Египетской, за которой вскоре последовал исход израильтян из этой страны – событие, оказавшее важнейшее влияние на религию, мораль и общественные отношения многих государств и народов. Оно воспринимается Жуковским в большом контексте Священной истории как продолжение исполнения Божьего Завета Аврааму, которым определялась вся судьба его потомства. Связующим звеном Ханаана и Египта и вместе с тем принципиально отличающим их друг от друга у Жуковского являются мотивы перемещения Иосифа из Ханаана в Египет по пути исполнения обетования Господа и возвращения потомков Исаака и Иакова на Святую Землю. Обозначенный в повести линейный тип пути Иосифа и его рода, уведивший их все дальше от земли патриархов, закрепляет образ Палестины как места, куда высшей волей предначертано вернуться обновленным, искупившим свои грехи страданием.

В этих произведениях Жуковского представлены и другие новые акценты в трактовке палестинской темы. Один из них связан с идеей спасения и Спасителя, которая красной нитью проходит через «Повесть об Иосифе Прекрасном». Иосиф изображен человеком, которому чужды соблазны и грехи, осаждающие и Святую Землю, и Египет. Он не переживает необходимость жить на чужбине, его минует ситуация нравственного и психологического выбора. Переноса многие испытания, Иосиф возрождает своими действиями былую мощь Египта. В наступившие по пророчеству годы бесплодия и «великих бедствий» Иосиф спасает Египет от голода, и одновременно своим пребыванием в Египетской земле он делает первый шаг к спасению израильских колен, свято веруя в Бога и его помощь, его волю и обетование спасти Египетскую землю и вывести оттуда богоизбранный народ «в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову». Идея спасения израильского народа, ведомого Провидением Божиим, сопровождаемая идеями веры и наказания за безверие, за попытку уйти от кары Небесной, в которой кроется и грядущее спасение, определяет пафос и повести «Египетская тма». В ней также нивелирована ситуация индивидуального выбора, поскольку предметом изображения является «неизглаголанно» великий суд Господа.

Наконец следует подчеркнуть и еще одну особенность авторской позиции в данных произведениях Жуковского – это акцентирование тесной взаимосвязи Палестины и Египта, предначертанной Богом. В отличие от «Повести о Прекрасном Иосифе», где Египет представлен процветающим пространством, в котором, однако, уже заронено зерно греха против Иосифа и его народа, против Палестины и Бога, в «Египетской тме» египетская земля изображена как пространство греха и Божьей кары, которое израильтянам предстоит покинуть уже под водительством Моисея, чтобы вернуться в Святую Землю, обетованную им Богом. Не верящие в Бога египтяне, «возмнившие» «притеснить святой на-

⁹ См. об этом подробнее: [Айзикова, 2016].

род», изображены в бессмысленных попытках спастись, «укрыться от вечной мудрости» («под мрачной пеленою / Забвения они укрыться мнили / С своими темными грехами...» [Жуковский, 2009, т. 4, с. 264]), которые названы повествователем помешательством.

В «Путешествии...» Муравьева уже в «Обзоре русских путешествий в Святую Землю» Египет упоминается неоднократно, практически везде в связи с именами христианских святых (Марии Египетской, святого Зосимы) и патриархов Софрония, Иоакима, Григория, священника Андрея Игнатьева. Сам автор-повествователь, целью путешествия которого были Святые места и прежде всего Иерусалим, оказался в Египте, по его словам, случайно: «...я готовился к отъезду, но не было ни одного корабля, идущего в Сирию. Случай нечаянно свел меня с г. Россетти... он предложил мне плыть на своем судне в Александрию, и я с радостью согласился... хотя Египет и не входил в план моего путешествия» [Муравьев, 2006, с. 93].

В отличие от Жуковского, Муравьев рассматривает Египет практически вне связи с Палестиной, с сюжетом исхода евреев из египетской земли¹⁰. Египет интересен ему как «чуждая земля Африки», «край совершенно отличный от всех тех, к которым привыкли мысли и взоры, где все ново путнику, природа и люди, животные и растения, и где разность нравов и образа жизни беспрепятственно изумляет своей необыкновенностью» [Там же, с. 97]. Каир описан Муравьевым практически по контрасту с созданной им в «Путешествии...» картиной полуразрушенного, наводненного арабами Иерусалима, который, как и в поздних сочинениях Жуковского (в его религиозно-философской прозе и в поэме «Странствующий жид»), влечет к себе не внешними красотами и экзотикой, но глубинным духовным, религиозным притяжением. Рассматривая египетские города и поселения, вглядываясь в медленные воды Нила, достопримечательности (пирамиды, сфинксов, мечети, остатки Мемфиса, Вавилон Египетский, Вышгород), наблюдая за празднованием Рамадана, автор-повествователь «Путешествия...» так резюмирует свое восприятие Египта: «Все сие зрелище кажется роскошно олицетворенным отрывком из тысячи одной ночи» [Там же, с. 107].

Вместе с тем, перекликаясь с мыслью Жуковского о взаимосвязанности судеб соседствующих территорий, обусловленной многими внешними, земными причинами и Божественным Провидением, Муравьев пронизывает свой рассказ о Египте, как и все повествование «Путешествия...» и «Писем...», идеей толерантности, которую можно считать оборотной стороной универсализма Жуковского. Так, рассматривая каирские минареты, автор-повествователь восклицает: «Но и сердцу русскому отраден очаровательный вид сей, напоминающий ему златоверхую Москову, числом колоколен едва ли не затмевающую легкие минареты Каира» [Там же, с. 104]. Вслушиваясь в «томные и унылые крики муэдзинов, славящих единство Аллаха и сзывающих к молитве», он воспринимает их как «дикий, но величественный хор», обращающий «весь Каир в один молитвенный храм... картина безмолвная и величественная, внушающая невольное благоговение страннику благочестивым обрядом веры, хотя чуждой и не просвещенной благодатью, однако из мрака неведения возносящей молитвенный голос к общему Творцу» [Там же, с. 107].

¹⁰ В «Письмах о магометанстве» (Письмо третье) Муравьев сравнивает повесть об Иосифе, изложенную в Книге Моисеевой и в Коране, находя в последнем множество отклонений от Библии и предполагая причиной внесенных изменений неведение и вымыслы «даже в таких местах, где, по содержанию историческому, не было причины вымышлять; видно, что самому Магомету неверно передан рассказ Моисея, с присказками арабскими» [Муравьев, 1848].

Как видим, разветвленные сюжеты ранних, да и поздних сочинений Жуковского, обращенных к теме Палестины, тесно связаны с перемещениями героев по Святой Земле и за ее границами, спровоцированными их грехопадением или грехопадением их родственников, соотечественников, совершенным в акте свободного личностного выбора, и в то же время маршрут героев и точки их остановок выстроены в соответствии с обетованием Бога, осмысляемого в духе романтической философии. Это относится к переводной повести Жуковского «Левит Ефραίимский» и к переводам «Библейских повестей», в меньшей мере – к поздним оригинальным произведениям «Повесть об Иосифе Прекрасном» и «Египетская тма». Исключение составляют лишь переводные отрывки из «Itinéraire de Paris à Jerusalem...» Ф. Р. де Шатобриана, которые, как мы уже писали, открывают другую сторону интереса Жуковского к Палестине, отразившуюся в жанре травелога. При этом нами уже было подчеркнуто, что они не совпадают с традицией паломничества в Иерусалим ко святым местам [Айзикова, 2004, с. 171–176]. По замечанию Шатобриана, точно переведенному Жуковским, путешествие по Греции и Ближнему Востоку было совершено из желания «излечить себя от невежества», т. е. от недостатка знаний о Святой Земле, которые писатель ощутил в процессе работы над романом «Мученики, или Торжество христианства» (1809), где развивались идеи «Гения христианства». В связи с этим напомним пронизательные слова А. С. Пушкина из его неопубликованной рецензии на книгу Муравьева: «Молодой наш соотечественник привлечен туда (в Иерусалим) не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил святыне места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред Гробом Христа Спасителя» [Пушкин, 1964, с. 263].

И вместе с тем обратим внимание на то, что Муравьев называет свое сочинение именно путешествием, а описание своего второго пребывания в Палестине – письмами, объединяя в них изображение сложнейшей внутренней душевной и духовной, религиозной жизни автора-повествователя, протекаемой в ситуации исполнения обета Господу в Святых местах, и историко-культурного, этнографического, географического, а также социально-политического материала. Интерес к социально-политическому аспекту палестинской темы, во многом буквально перекликающийся с пафосом Муравьева, отразится в религиозно-философской прозе Жуковского 1840-х гг., а также в его переписке и так называемом Иерусалимском проекте. «Лебединая песня» поэта, поэма «Странствующий жид», центральным образом которой наряду с Агасфером является Иерусалим, находящийся и в центре духовной прозы Муравьева 1830–1840-х гг., представит свой, по сравнению с нею, вариант синтеза религиозного и художественного начал в осмыслении темы Палестины, ее содержательной сути и форм воплощения.

Список литературы

- Айзикова И. А.* Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 403 с.
- Айзикова И. А.* Образ Палестины в творчестве В. А. Жуковского. Статья первая // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 5. С. 124–144.
- Айзикова И. А.* Образ Палестины в творчестве В. А. Жуковского. Статья вторая // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 2. С. 94–108.
- Александрова-Осокина О. Н.* Паломническая проза 1800–1860-х гг. М.: Флинта, 2016. 430 с.
- Багно В. Е.* Жуковский – переводчик «Дон Кишота» // Жуковский и русская культура: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1987. 503 с.

- Жуковский В. А.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., Л.: ГИХЛ, 1960. 783 с.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4: Стихотворные повести и сказки. М.: Языки славянских культур, 2009. 636 с.; Т. 12: Эстетика и критика. М.: Языки славянских культур, 2012. 544 с.; Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.; Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М.: Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
- Козлов И. И.* Дневник // *Старина и новизна: Истор. сб.* Кн. 11. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1906.
- Моклецова И. В.* Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А. Н. Муравьева. М., 2013. 510 с.
- [*Муравьев А. Н.*] Предисловие к «Битве при Тивериаде» и «Отрывки из четвертого и пятого действия «Битвы при Тивериаде»» // *Современник*. 1836. Кн. 2. С. 140–154.
- Муравьев А. Н.* Письма о магометанстве. СПб., 1848. URL: <https://azbyka.ru/pisma-o-magometanstve> (дата обращения 18.10.2017).
- Муравьев А. Н.* Письма с Востока в 1849–1850 годах. Ч. 2. СПб., 1851. 437 с.
- Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. 35 с.
- Муравьев А. Н.* Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине. Киев: Губернская тип., 1874. 127 с. URL: http://az.lib.ru/m/murawxew_a_n/text_bitwapritiwieriadeilipadeniekrestonoscewwpalestine.shtml (дата обращения 18.10.2017).
- Муравьев А. Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 году. М.: Индрик, 2006. 344 с.
- Муравьев А. Н.* Путешествие по Святым местам русским / Сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 768 с.
- Никонова Н. Е.* Рыцарская тема в поэзии В. А. Жуковского // *Канунова Ф. З., Айзикова И. А., Никонова Н. Е.* Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820–1840-х гг.: Проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 438 с.
- Пушкин А. С.* «Путешествие к Св. местам» А. Н. Муравьева // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: Наука, 1964. 765 с.
- Сафатова Е. Ю.* Паломнический сюжет в «Путешествии ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествии по Святым местам русским»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 21 с.
- Сафатова Е. Ю.* Сакральная география Руси-России: семиотика пространства (на материале «Путешествия по Святым местам русским» А. Н. Муравьева) // *Вестн. Том. гос. пед. ун-та*. 2009. Вып. 9(87). С. 151–155.
- Сафатова Е. Ю.* Традиции паломнической литературы в творчестве А. Н. Муравьева // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2012. № 356. С. 39–43.
- Хохлова Н. А.* Андрей Николаевич Муравьев – литератор. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 244 с.
- Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 283 с.

I. A. Ayzikova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wand2004@mail.ru

The theme of Palestine in the creative dialogue of V. A. Zhukovsky and A. N. Muravyov

The paper presents the first attempt to study the creative dialogue of V. A. Zhukovsky and A. N. Muravyov on the subject of Palestine. The study clarifies the peculiarities of the poetics

and genre-stylistic system of creativity of both writers, their spiritual, religious and aesthetic searches due to the originality of individual worldview and the general atmosphere of the era. The author reveals an unknown chapter in the history of cultural contacts of Palestine and Russia in the 19th century. The dialogue begins with the enthusiastic response of Zhukovsky to the tragedy of Muravyov «The Battle of Tiberias, or the fall of the crusaders in Palestine» (1827). Zhukovsky was also immersed in a chivalry theme. Like Muravyov, he unites the image of the knight with the mythologeme of fate. However, unlike Muravyov, Zhukovsky increasingly focuses not so much on religious as on philosophical interpretation of chivalry. The paper also considers the interpretations of the Palestine theme in prose and lyric-epic works of Zhukovsky of 1800–1840s and spiritual prose of Muravyov of 1830–1840s. The typological nature of their convergence and divergence in the area of meaningful reception of the theme and search for forms of interaction between religious and artistic principles in its implementation is stated. The meaning of the works of Zhukovsky is concentrated around the question of freedom of moral choice of the first inhabitants of the Promised Land, painted with educational author's intentions. Whereas Muravyov focuses on superpersonal reality – the «great destiny» of Palestine and Jerusalem. In this regard, the emphasis is placed on the position of the author-narrator in the writings of Muravyov – position of «humble Christian». At the same time, attention is drawn to the fact that Muravyov combines in his works the image of mental and spiritual religious life of the author-narrator, taking place in the situation of execution of a vow to the Lord in Holy places, and historical-cultural, ethnographic, geographic and socio-political material. Paying tribute to, like Muravyov, the interest in ethnography, culture, history of Palestine in the early translations of «Journey to Jerusalem» by R. Chateaubriand, Zhukovsky is to show interest in the socio-political aspect of the Palestine theme, largely literally echoing the pathos of Muravyov. It is to be reflected in religious-philosophical prose, correspondence of Zhukovsky in the 1840s and the so-called Jerusalem project. The poem «Wandering Jew», the central image of which along with Ahasver is Jerusalem, located in the centre of the spiritual Muravyov's prose of 1830–1840s, will present the version of the synthesis of religious and artistic principles in the understanding of the Palestine theme, its substantive nature and forms of its embodiment.

Keywords: the theme of Palestine, V. A. Zhukovsky, A. N. Muravyov, creative dialogue.

DOI 10.17223/18137083/63/6

References

- Aleksandrova-Osokina O. N. *Palomnicheskaya proza 1800–1860 gg.* [Pilgrimage prose of 1800–1860]. Moscow, Flinta, 2016, 430 p.
- Ayzikova I. A. *Obraz Palestiny v tvorchestve V. A. Zhukovskogo. Stat'ya pervaya* [The image of Palestine in the work of V. A. Zhukovsky. The first article]. *Tomsk State Univ. Journal of Philology*. 2015, no. 5, pp. 124–144.
- Ayzikova I. A. *Obraz Palestiny v tvorchestve V. A. Zhukovskogo. Stat'ya vtoraya* [The image of Palestine in the work of V. A. Zhukovsky. The second article]. *Tomsk State Univ. Journal of Philology*. 2016, no. 2, pp. 94–108.
- Ayzikova I. A. *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V. A. Zhukovskogo* [The genre and stylistic system of prose of V. A. Zhukovsky]. Tomsk, TSU, 2004, 403 p.
- Bagno V. E. Zhukovskiy – perevodchik “Don Kishota” [Zhukovsky – translator of “Don Kichote”]. In: *Zhukovskiy i russkaya kul'tura. Sb. nauch. tr.* [Zhukovsky and Russian culture. Collection of scientific papers]. Leningrad, Nauka, 1987, 503 p.
- Khokhlova N. A. *Andrey Nikolaevich Murav'ev – literator* [Andrey Muravyov – a writer]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2001, 244 p.
- Kozlov I. I. Dnevnik [Diary]. In: *Starina i novizna: istor. sb. Kn. 11* [The old and the new. Historical collection. Book 11]. St. Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, 1906.
- Mokletsova I. V. *Russkie dukhovnye traditsii v literaturnom kontekste XIX veka i tvorchestvom nasledii A. N. Murav'eva* [Russian spiritual tradition in the literary context of the 19th century and the creative legacy of A. N. Murav'ev]. Moscow, 2013, 510 p.
- Murav'ev A. N. *Bitva pri Tiveriade, ili Padeniye krestonostsev v Palestine* [The battle of Tiberias, or the fall of the crusaders in Palestine]. Kiyev, Gubernskaya tip., 1874, 127 p. URL: http://az.lib.ru/m/murawxew_a_n/text_bitwapritiweriadeilipadeniekrestonoscewwpalestine.shtml (accessed 18.10.2017).

- Murav'ev A. N. *Pis'ma o magometanstve* [Letters about Mohammedanism]. St. Petersburg, 1848. URL: <https://azbyka.ru/pisma-o-magometanstve> (accessed 18.10.2017).
- Murav'ev A. N. *Pis'ma s Vostoka v 1849–1850 godakh* [Letters from the East 1849–1850]. Pt 2. St. Petersburg, 1851, 437 p.
- Murav'ev A. N. Predisloviye k “Bitve pri Tiveriade” i <Otryvki iz chetvertogo i pyatogo deystviya “Bitvy pri Tiveriade”> [Preface to the “Battle of Tiberias” and <Excerpt from the fourth and fifth actions “Battle of Tiberias”>]. *Sovremennik*. 1836, Bk 2, pp. 140–154.
- Murav'ev A. N. *Puteshestvie ko Svyatym mestam v 1830 godu* [Journey to the Holy places in 1830]. Moscow, Indrik, 2006, 344 p.
- Murav'ev A. N. *Puteshestvie po Svyatym mestam russkim* [Journey through the Holy places of the Russian]. Comp. by A. D. Kaplina. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2014, 768 p.
- Murav'ev A. N. *Znakomstvo s russkimi poetami* [Learning about Russian poets]. Kiev, 1871, 35 p.
- Nikonova N. E. Rytsarskaya tema v poezii V. A. Zhukovskogo [The knightly theme in the poetry of V. A. Zhukovsky]. In: Kanunova F. Z., Ayzikova I. A., Nikonova N. E. *Estetika i poetika perevodov V. A. Zhukovskogo 1820–1840-kh gg.: problemy dialoga, narrativa, mifopoetiki* [Aesthetics and poetics of the translations of V. A. Zhukovsky 1820–1840: the problems of dialogue, narrative, mythopoetic]. Tomsk, TSU, 2009, 438 p.
- Pushkin A. S. “Puteshestvie k Sv. Mestam” A. N. Murav'eva [“Journey to the Holy places” of A. N. Muravyov]. In: Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t. T. 7* [Complete works: in 10 vols. Vol. 7]. Moscow, Nauka, 1964, 765 p.
- Safatova E. Yu. *Palomnicheskii syuzhet v “Puteshestvii ko Svyatym mestam v 1830 godu” i “Puteshestvii po Svyatym mechtam russkim”* [Pilgrimage in the “the Journey to the Holy places in 1830” and “the Journey through Holy dreams Russian”]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2008, 21 p.
- Safatova E. Yu. Sakral'naya geografiya Rusi-Rossii: semiotika prostranstva (na materiale “Puteshestviya po Svyatym mestam russkim” A. N. Murav'eva [Sacral geography of Russia-Russia: semiotics of space (based on “Travel to the Holy places of Russian” by A. N. Murav'ev)]. *Tomsk State Pedagogical Univ. Bulletin*. 2009, no. 9(87), pp. 151–155.
- Safatova E. Yu. Traditsii palomnicheskoy literatury v tvorchestve A. N. Murav'eva [The tradition of pilgrimage literature in the works of A. N. Murav'ev]. *Tomsk State Pedagogical Univ. Bulletin*. 2012, no. 356, pp. 39–43.
- Yanushkevich A. S. *Etapy i problemy tvorcheskoy evolyutsii V. A. Zhukovskogo* [Stages and problems of the creative evolution of V. A. Zhukovsky]. Tomsk, TSU, 1985, 283 p.
- Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 t. T. 4: Stikhotvornyye povesti i skazki* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 4: Verse novels and tales]. Moscow, LRC Publ. House, 2009, 636 p.; *T. 12: Estetika i kritika* [Vol. 12: Aesthetics and criticism]. Moscow, LRC Publ. House, 2012, 544 p.; *T. 13: Dnevnik. Pis'ma-dnevnik. Zapisnyye knizhki. 1804–1833* [Vol. 13: Diaries. Letters-diaries. Notebooks. 1804–1833]. Moscow, LRC Publ. House, 2004, 608 p.; *T. 14: Dnevnik. Pis'ma-dnevnik. Zapisnyye knizhki. 1834–1847* [Vol. 14: Diaries. Letters-diaries. Notebooks. 1834–1847]. Moscow, LRC Publ. House, 2004, 768 p.
- Zhukovskiy V. A. *Sobraniye sochineniy: V 4 t. T. 4* [Collection of works: in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Leningrad, GIKhL, 1960, 783 p.